

Барух Эльрон — от философского реализма к сюрреализму

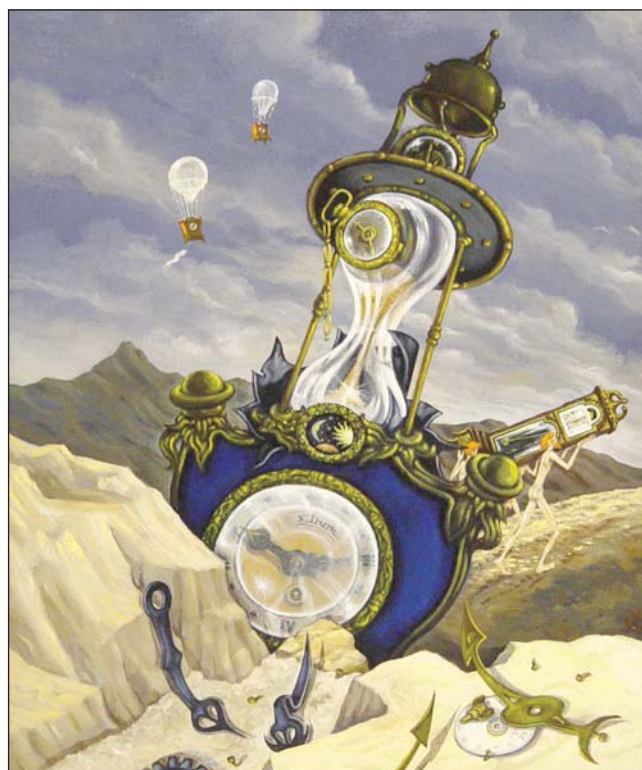
Со дня кончины художника Баруха Эльрона прошло уже десять лет, но, благодаря подвижническим усилиям его вдовы Лидии и других ценителей его творчества, он продолжает активно присутствовать в художественной жизни не только Израиля, но и других стран. Кроме проводимых выставок и вечеров его памяти, о его творчестве выходят все новые и новые книги: на иврите, английском, испанском... В современном мире каждый из нас сталкивается с огромным количеством визуальных образов, которые, как правило, быстро забываются. Работы же этого мастера, однажды увиденные, надолго остаются в памяти.

«Художник — Ной во время потопа»

Барух Эльрон (урожденный Барбу Теодореску) родился в Бухаресте — в семье евреев-сефардов — и обучался живописи в Академии изящных искусств Николае Григореску. В студенческие годы он побывал в Москве, Праге и Будапеште, в музеях которых открыл для себя работы великих мастеров живописи. Окончив Академию, стал художником-графиком и книжным иллюстратором; в 1960 году был удостоен приза на Дрезденской книжной ярмарке.

Барух Эльрон иммигрировал в Израиль в 29 лет — в 1963-м. Это было крайне трудное время для того, чтобы начать в новой стране путь художника, а ни в какой другой профессии он себя не мыслил. В Румынии, где он учился, в 1950-е годы в искусстве доминировало реалистическое направление при незабываемом присутствии традиций импрессионизма. Румыния при этом и политически, и культурно ориентировалась на Советский Союз, где ни о какой абстрактной живописи в то время и речи не шло. В Израиле ситуация была обратной: созданная еще в 1948 году группа «Новые горизонты», занявшая веду-

«Одолженное время»

щие позиции в галерейно-выставочном мире страны, ориентировалась на доминировавшие в американском искусстве тенденции абстрактного экспрессионизма. Фигуративная живопись в те годы многим казалась безнадежным пережитком прошлого, тем более, когда речь шла о реалистическом искусстве.

Нельзя забывать, что все население Израиля едва превышало тогда два миллиона человек, уровень жизни был крайне низким, искусством могли прожить и прокормиться всего несколько десятков человек на всю страну, и попасть в их число новичку было почти невозможно. На признание могли рассчитывать художники, за которыми тянулся солидный шлейф известности и успеха в странах исхода, но к 29 годам можно стать извест-

ным спортсменом, скрипачом, но не художником — в этой сфере карьера делается долго и трудно.

Стремясь заниматься искусством, но не имея возможности устроиться ни в Академии «Бецалель» в Иерусалиме, ни в Институте имени Авни в Тель-Авиве — ведущих художественных вузах Израиля, — Барух трудился там, где социальный статус преподавателя был невысок, будь то Народный университет или Центр поддержки и реабилитации воинов, с которыми он занимался рисованием задолго до того, как арт-терапия вошла в моду. Разумеется, никто из его учеников не мог стать профессиональным художником, но постепенно Эльрону удалось занять свое место в художественной жизни страны, им начали интересоваться организаторы выставок в Израиле и других странах. В 1966 году у художника прошла первая персональная выставка в Тель-Авиве, за которой последовали многие другие, в том числе в США, Канаде и Германии. В предисловии к изданному в 1981 году в Германии каталогу его выставки отмечалось: «Он возводит мост между миром Запада и Востока. Барух Эльрон использует особый язык, основанный на иудео-христианском мистицизме и символах. Ему присуща особая манера самовыражения, во многом напоминающая о традициях итальянского Ренессанса. Художнику удается выстроить образ субъективной реальности, проникающей в сознание зрителя... Таким образом, мастер открывает новую тропу, обещающую новые открытия и полную надежду».

Всю жизнь Эльрон оставался верен фигуративной живописи, пройдя путь от философского реализма к сюрреализму. Уроки Дали и Магритта были им глубоко восприняты и переосмыслены, о чем свидетельствует, в частности, изумительное полотно 2002 года «Одолженное время». Отдельные циклы его картин вводили зрителя в мир грез и фантастических видений самого живописца. Именно о них французский арт-критик Пьер Бриссо писал в 1984 году: «Художник, пусть и испытавший влияние многих традиций, сумел, благодаря богатству своего воображения и мира своих грез, создать корпус ярких работ — глубоко личных, порой страстных, порой удивительных, иногда пугающих, возможно, даже грустных или тревожных, но всегда отмеченных искрой иронии, позволяющей не принимать их трагизм столь близко к сердцу. Это сновидения, где есть место краскам абсурда, без которых бы эти сны были невозможны — сновидения, которые бы мы сами могли увидеть, если бы в каждом из нас жил поэт, одержимый необходимостью для этого искрой безумия».

Барух Эльрон был художником-философом — свидетельством тому серия из пятнадцати работ «За гранью слова», охватывающая большой круг тем, включая интерпретации сюжетов Книги Бытия, Ноева Ковчега, Вавилонской башни, жертвоприношения Исаака, получение скрижалей на горе Синай, покорения Иерихона, с историями Самсона, Ионы и Иеремии. Бельгийский арт-критик Стефан Рэй отмечал, что «работы Баруха Эльрона выполнены с потрясающим мастерством, в них виртуозно сочетаются символы и аллегории — как образы, отсылающие к Библии, так и отголоски мифологических сюжетов».

Главное, однако, в том, что художник давал всем этим событиям и их героям новое, современное звучание. Дорит Кейдар писала в этой связи: «Древние символы, пришедшие из глубин истории, изображаются рядом с обыденными образами повседневности, утонченная Мона Лиза — рядом с электрической розеткой. И при этом на полотнах постоянно присутствует страх потери своей подлинной идентичности, страх порабощения компьютеризованным человеком, человеком, зависящим от расписания, смотрящим на мир сквозь пустую маску, поглощающим бабочек и жарящим цветы. На самом деле этот человек уничтожает сам себя, свою собственную красоту. ... Даже в тех образах, которые кажутся живыми и яркими, есть нечто фатальное. Яркое цветение красок на его полотнах всегда сдержанно, конечно, и оно всегда рукотворно».

Стиль Баруха Эльрона сформировался под влиянием школы фантастического реализма, однако в его творческом наследии есть и другие полотна, берущие за душу именно гиперреалистическим отражением происходящих событий. Таков, в частности, «Автопортрет в противогазе», созданный в 1991 году, когда в ходе Войны в Персидском заливе территория Израиля была более сорока раз атакована иракскими СКАДами, и глава пресс-службы армии каждый раз немедленно появлялся в теле- и радиоэфире, призывая граждан немедленно надеть противогазы и спуститься в бомбоубежища. Памятная фотография знаменитого скрипача Исаака Стерна, которого очередная атака иракских СКАДов застала на сцене Иерусалимского театра — прозвучал сигнал воздушной тревоги, и слушатели, прибывшие на концерт с противогазами, в большинстве своем надели их; оркестр ушел со сцены, но Стерн остался, начав исполнять «Чакону» Баха. Барух Эльрон в те трудные дни также сохранял верность искусству, продолжая творить вопреки обстоятельствам. В последние годы жизни он много болел, перенес несколько тяжелых операций, но до последнего дня продолжал работать. Даже когда он уже не мог выходить из дома, видов с балкона квартиры в центре Тель-Авива на бульваре Бялика оказалось достаточно для создания целой серии самообытных работ, где

окружавший городской пейзаж становился точкой, от которой художник отталкивался, уводя своих зрителей в путешествие во времени и в пространстве.

«Автопортрет в противогазе»

Картины мастера подвигают к обсуждению визуального языка, который не всегда однозначен. Супруга художника вспоминает, что, несмотря на то — а может быть, как раз вследствие того, что и в ее, и в его семьях в огне Холокоста погибли многие родственники, эта тема в их семье почти не подымалась, однако в искусстве Баруха Эльрона ее невозможно не прочесть. Так, на одной из картин из ящика, где по идее должны расти цветы, но в котором нет земли, словно из пепла тянется одинокая рука с листом бумаги — как послание от тех, кто погиб, тем, кто выжил и строит еврейскую государственность. Показательны стоящие рядом два дерева: обожженный, высохший ствол первого соседствует с цветущей листвой второго, символизируя одновременно гибель и возрождение.

В истории культуры было немало удивительных вдов-подвижниц, многие годы преданно сохранявших творческое наследие своих мужей; достаточно вспомнить Надежду Мандельштам и Елену Булгакову. Лидия Эльрон

«Послание без ответа»

— из их числа, ее беспримерная преданность искусству мужа восхищает каждого, кто с ней знаком. Сегодня, наряду с другими энтузиастами, она бескорыстно работает над созданием в Израиле музея наследия выходцев из Румынии. Идеология «отрицания диаспор», к счастью, благополучно отошла в прошлое, в современном Израиле акцент делается именно на той важной роли, которую различные диаспоры играли и играют в формировании плюралистического израильского общества, обогащая полифоническую мозаику его языков, традиций и культур. Картины Баруха Эльрона, в 1997 году удостоенного премии в области искусства Всемирной ассоциации евреев-выходцев из Румынии, несомненно займут в этом музее достойное место.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»